

*Моя особая благодарность
моей помощнице Мэри Ленгфорд
за ее неоценимую помощь*

Пролог

Берлин, Германия

Соня Вербрюгге и не подозревала, что это будет последний день ее жизни. Да и кто бы на ее месте думал о таком?

Поэтому она энергично протискивалась сквозь толпу туристов, наводнивших этим летом и без того оживленные тротуары Унтер-ден-Линден.

Только не паниковать, твердила она себе. Главное — оставаться спокойной.

Но как оставаться спокойной, когда на экране компьютера появилось ужасающее сообщение от Франца?

«Беги, Соня! Доберись до отеля «Артемизия». Там ты будешь в безопасности. Пережди, пока не услышишь о...»

Сообщение на этом обрывалось. Почему Франц не закончил его? Что происходит?

Вчера ночью она слышала, как муж говорил кому-то по телефону, что Приму нужно остановить любой ценой. Что это за Прима?

Фрау Вербрюгге приближалась к Бранденбургшештрассе, где находился отель «Артемизия», принимавший на постой исключительно женщин.

Подожду, пока не придет Франц. Надеюсь, он объяснит мне, что все это значит.

Едва Соня Вербрюгге подошла к перекрестку, загорелся красный свет. Соня послушно остановилась у обочины, но тут кто-то из толпы толкнул ее, да так, что она вылетела на мостовую.

Проклятые туристы!

Лимузин, стоявший во втором ряду, неожиданно свернул к Соне и задел ее достаточно сильно, сбив с ног. Вокруг упавшей женщины мгновенно собралась разноязыкая толпа.

— Что с ней?

— Она в порядке?

— Она может встать?

В этот момент проезжавшая мимо машина «скорой» остановилась. Оттуда выскочили два санитары с носилками и поспешили к пострадавшей.

— Мы позаботимся о ней, — заверил тот, что повыше.

Соня почувствовала, как ее поднимают и несут к машине. Дверца закрылась. Мотор взревел, и «скорая» умчалась прочь.

Соня попыталась сесть, но обнаружила, что пристегнута к носилкам ремнем.

— Я в порядке, — запротестовала она. — Ничего страшного не случилось. Я...

Один из санитаров наклонился над ней:

— Все хорошо, фрау Вербрюгге. Расслабьтесь, лежите спокойно.

Но вместо того чтобы последовать его совету, Соня, сама не понимая почему, встревожилась:

— Откуда вы знаете мое...

Договорить она не успела. Только почувствовала, как в руку вонзилась острая игла шприца. Еще минута, и она безвольно канула в поджидавшую тьму.

Париж, Франция

Марк Харрис в одиночестве стоял на площадке обозрения Эйфелевой башни, не обращая внимания на внезапно разразившийся ливень. Время от времени зигзаг молнии разбивал дождевые капли на сотни слепящих бриллиантовых водопадиков.

Где-то там, на другом берегу Сены, за туманной мглой, маячили дворец Шайо и площадь Трокадеро, но Марку было не до них. Сейчас он был способен только лихорадочно вспоминать те поразительные новости, которые вот-вот станут известны всему миру.

Обезумевший ветер взвихрил дождевые потоки, бросив в лицо Марку пригоршню воды. Марк, прикрывая запястье свободной рукой, взглянул на часы. Похоже, они запаздывают.

И почему настаивали на встрече здесь в полночь?

Он встревоженно нахмурился, но тут же услышал шорох открывшейся дверцы лифта. Два темных силуэта двинулись к нему, с трудом преодолевая свирепые порывы ветра.

Узнав пришедших, Марк с облегчением вздохнул.

— Вы опоздали.

— Прости, Марк, это все чертова погода.

— Ничего, лучше поздно, чем никогда. По крайней мере вы тут. Совещание в Вашингтоне, надеюсь, состоится?

— Об этом мы и хотели потолковать с тобой. Видишь ли, сегодня утром мы долго обсуждали, как лучше решить эту проблему, и наконец договорились...

Пока первый продолжал объяснять, второй зашел за спину Марка. Дальше события развивались стремительно. Тяжелый тупой предмет врезался в его затылок, и в следующее мгновение он, уже те-

ряя сознание, ощутил, как его поднимают и переваливают через ограду. И он полетел вниз, к твердому, неподатливому асфальту, черневшему тридцатью семью этажами ниже, под струями холодного дождя.

Денвер, Колорадо

Гэри Рейнолдс вырос в неприветливом канадском городке Келоуна, недалеко от Ванкувера, и там же изучал летное дело, поэтому привык летать над предательской гористой местностью. Сейчас он управлял «Сессной-ситейшн-II», то и дело настороженно поглядывая на видневшиеся внизу бесчисленные снежные пики.

Кабина пилота была рассчитана на двоих, но сегодня место второго пилота пустовало.

Только не в этом рейсе.

Он представил в аэропорт Кеннеди фальшивый план полета. Никто не подумает искать его в Денвере. Он проведет ночь в доме сестры, а утром отправится на восток, где будут ждать остальные. Все меры по устранению «Примы» приняты, и...

Голос диспетчера ворвался в его мысли:

— «Ситейшн» один-один Лима Фокстрот, это контрольно-диспетчерский пункт международного аэропорта Денвер. Ответьте, пожалуйста.

Гэри Рейнолдс нажал кнопку связи.

— Это «Ситейшн» один-один Лима Фокстрот. Прошу номер посадочной полосы.

— Один Лима Фокстрот, передайте ваши координаты.

— Один Лима Фокстрот, я в пятнадцати милях к северо-востоку от денверского аэропорта. Высота — пятнадцать тысяч футов.

Гэри заметил пик Пайка, выросший справа. Небо было ярко-синим, погода — ясной.

Хороший знак.

После короткой паузы снова раздался голос диспетчера:

— Один Лима Фокстрот, взлетная полоса два-шесть свободна. Повторяю, два-шесть.

— Один Лима Фокстрот, вас понял.

И тут совершенно неожиданно самолет резко дернулся и подскочил, как на невидимой выбоине. Гэри удивленно глянул в окно. Откуда-то налетел резкий ветер, и уже через несколько секунд «сессну», оказавшуюся в зоне турбулентности, стало безжалостно швырять из стороны в сторону. Гэри потянул на себя штурвал, стараясь набрать высоту. Бесполезно. Его закрутило в бешеном водовороте. Самолет потерял управление. Гэри швырнуло на приборную панель. Он сам не понял, как удалось нажать кнопку рации.

— Это один Лима Фокстрот. У меня ЧП.

— Один Лима Фокстрот, объясните подробно, какого именно характера ваше ЧП?

— Я попал в область шквалистого ветра! — заорал Гэри в микрофон. — Опасная турбулентность! Я в самом центре чертова урагана!

— Один Лима Фокстрот, вы всего в четырех с половиной минутах от денверского аэропорта, и на наших экранах нет ни малейшего признака турбулентности.

— Да плевать мне на ваши экраны! Говорю вам... — Голос пилота перешел в панический визг. — Мэйдей! Мэй*...

И диспетчер с ужасом увидел, как светлое пятнышко на экране радара погасло.

* Мэйдей — международный сигнал бедствия. — *Примеч. пер.*

Манхэттен, Нью-Йорк

На рассвете с полдюжины полицейских в мундирах и детективов в гражданской одежде толпились под Манхэттенским мостом через Ист-Ривер, окружив труп, лежавший у самого края воды. Тело, очевидно, сбросили с моста, так что голова болталась в воде чудовищным поплавком, подвластным капризам прилива.

Старший в группе, детектив Эрл Гринберг из отдела по расследованию убийств полицейского департамента Южного Манхэттена, заканчивал официальные, требуемые законом следственные процедуры. До этой минуты никому не позволяли приблизиться к мертвецу, пока не будут сделаны снимки, а сам Эрл дописывал протокол осмотра места преступления, пока полицейские искали вещественные доказательства. Руки жертвы были обернуты чистыми пластиковыми пакетами.

Карл Уорд, медицинский эксперт, завершил обследование трупа, встал, смахнул прилипший к брюкам сор и повернулся к детективам. Эрл Гринберг считался крепким профессионалом с весьма впечатляющим послужным списком. Второй, Роберт Прегитцер, седовласый, вечно небритый и взъерошенный, стоял с безразличным видом человека, видавшего и не такое.

— Он в вашем распоряжении целиком и полностью, Эрл, — объявил Уорд Гринбергу.

— И что мы имеем?

— Причина смерти — перерезанное горло. Рассечена сонная артерия. Коленные чашечки разбиты, и, похоже, несколько ребер сломано. Кто-то здорово над ним поработал.

— Как насчет времени смерти?

Уорд задумчиво уставился на волны, плескавшиеся у головы мертвеца.

— Трудно сказать. Думаю, его сбросили в реку где-то после полуночи. Точнее скажу, когда мы доставим тело в морг.

Гринберг снова оглядел труп. Серый пиджак, темно-синие брюки, светло-голубой галстук, на левой руке — дорогие часы. Гринберг встал на колени и принялся обыскивать карманы жертвы. Пальцы наткнулись на острый угол сложенной вдвое бумажки. Он вытащил ее, стараясь держать за край.

— Написано на итальянском. — Он осмотрелся. — Джанелли!

— Да, сэр! — откликнулся один из полицейских. — Иду, сэр!

Гринберг протянул ему записку:

— Можешь перевести это?

— «Последний шанс, — медленно прочитал Джанелли. — Жди меня у семнадцатого пирса с остальной дурью — или будешь кормить рыб».

Он отдал записку Гринбергу. Роберт Прегитцер удивленно качнул головой:

— Мафиозные разборки? В таком случае с чего это они бросили его тут, на открытом месте?

— Хороший вопрос, — кивнул Гринберг, продолжая рыться в карманах трупа. Обнаруженный бумажник оказался набит банкнотами.

— Во всяком случае, охотились они не за его деньгами. А вот и карточка. Убитого звали Ричардом Стивенсом.

— Ричард Стивенс? — пробормотал Прегитцер. — Пойдите, это не о нем что-то было в газетах?

— О его жене, — поправил Гринберг, — о Дайане Стивенс. Она дает показания в суде по делу об убийстве. Ответчик — Тони Алтьери, неужели не помнишь?

— Ну как же, — оживился Прегитцер. — Она посмела давать показания против крестного отца.

И оба вновь повернулись к телу Ричарда Стивенса.

Глава 1

В деловой части Манхэттена в зале заседаний номер тридцать семь суда по уголовным делам на Сентр-стрит, дом сто восемьдесят, шли очередные слушания по делу Энтони (Тони) Алтьери. Большое, просторное помещение было набито до отказа представителями прессы и просто любопытными.

На скамье подсудимых, в инвалидном кресле, скорчившись, сидел Энтони Алтьери, походивший на бледную жирную жабу. На одутловатом лице, казалось, жили только глаза, и каждый раз, когда их взгляд устремлялся на Дайану Стивенс, сидевшую на местах для свидетелей, она поеживалась, ощущая силу его ненависти.

Рядом с Алтьери сидел Джейк Рубинштейн, защитник. Рубинштейн славился хорошо известной в узких кругах клиентурой, состоявшей в основном из членов различных мафиозных кланов, и огромным количеством оправдательных приговоров, вынесенных в результате его усилий, этим самым членом различных мафиозных кланов.

Смуглый коротышка с острым логическим умом и живым воображением, Рубинштейн старался каждый раз обставить свое выступление в суде как занимательный спектакль. Бесконечные выходки в зале суда, можно сказать, были его «торговой маркой», и он каждый раз с блеском исполнял свою роль, до-

стигнув больших успехов в актерском ремесле. Ко всему прочему, он умел с первого взгляда оценить своих противников и обладал потрясающей способностью обнаружить слабости каждого. Иногда Рубинштейн представлял себя львом, медленно надвигающимся на ничего не подозревающую жертву, готовым к прыжку, или хитрым пауком, плетущим паутину, которая рано или поздно свяжет добычу по рукам и ногам, оставив ее беспомощной...

Порой он предстал в образе терпеливого рыбака, мягким движением закидывавшего леску в воду и медленно подергивавшего поплавок, пока доверчивый свидетель не хватал наживку.

Адвокат внимательно изучал вызванного свидетеля. Дайане Стивенс было чуть за тридцать. Аура элегантности. Аристократические черты. Мягкие струящиеся светлые волосы. Зеленые глаза. Прекрасная фигура. Само воплощение нравственной чистоты. Одета в шикарный приталенный черный костюм. Джейку уже было известно, что вчера она произвела благоприятное впечатление на жюри. Следовательно, нужно действовать осторожно. Главное — не спешить.

«Значит, рыбак», — решил он, неспешно приближаясь к свидетельскому месту.

— Миссис Стивенс, — мягко начал он, — вчера вы заявили, что в указанный день, четырнадцатого октября, вы направлялись на юг по автомагистрали Генри-Хадсонпаркуэй и, заметив, что спустила шина, свернули с шоссе у съезда на Сто пятьдесят восьмую улицу на боковую дорогу, ведущую в Форт-Вашингтон-парк?

— Да, — негромко, с безупречным произношением ответила Дайана.

— Что заставило вас остановиться именно в этом месте?

— Я уже сказала. Спущенная шина. Пришлось покинуть шоссе, и, кроме того, я увидела между деревьями крышу какого-то строения и подумала, что могу получить там помощь. У меня не было с собой запаски.

— Вы член автоклуба?

— Разумеется.

— И в вашей машине есть телефон?

— Да.

— Так почему же вы не позвонили в автоклуб?

— Подумала, что это займет слишком много времени.

— Конечно, — сочувственно кивнул Рубинштейн. — А дом был прямо перед вами.

— Именно.

— И поэтому вы направились к дому, чтобы получить помощь?

— Совершенно верно.

— На улице все еще было светло?

— Да. Еще не было пяти часов дня.

— И поэтому вы могли все видеть ясно?

— Могла.

— И что вы видели, миссис Стивенс?

— Я увидела Энтони Алтьери...

— Вот как? Значит, вы знали его раньше?

— Нет.

— Почему же были так уверены, что это Энтони Алтьери?

— Мне встречались его снимки в газетах, и...

— Следовательно, на снимках вы видели человека, похожего на Энтони Алтьери?

— Понимаете...

— Итак, что вы видели в том строении?

Дайана Стивенс прерывисто вздохнула и медленно заговорила, восстанавливая в памяти сцену, которую наблюдала:

— В комнате было четверо. Один из них был привязан к стулу. Двое стояли по бокам, а мистер Алтъери, кажется, допрашивал его. — Ее голос дрогнул, и она поспешно сжала кулаки, чтобы взять себя в руки. — Мистер Алтъери выхватил пистолет, крикнул что-то и выстрелил этому человеку в голову.

Джейк покосился на присяжных. Поглощенные рассказом Дайаны, они зачарованно слушали.

— И что вы сделали потом, миссис Стивенс?

— Побежала к машине и позвонила в полицию с сотового.

— А дальше?

— Уехала.

— На спущенной шине?

— Да.

Пришла пора взбаламутить тихие воды.

— Почему же не подождали полицейских?

Дайана бросила взгляд на скамью подсудимых. Алтъери с нескрываемой злобой смотрел на нее. Дайана отвела глаза.

— Я... я не могла остаться, потому что... боялась... а вдруг кто-то выйдет из дома и наткнется на меня.

— Все это вполне понятно. — Голос Рубинштейна внезапно стал жестким. — Непонятно другое: почему, когда приехавший на ваш вызов полицейский патруль вошел в строение, там не только не оказалось ни единой души, но не было и ни малейшей улики, указывавшей на такое преступление, как убийство, не говоря уж о том, что на полу не заметили ни капли крови.

— Ничего не могу поделать. Я...

— Вы художница, не так ли?

Дайана с недоумением нахмурилась, явно застигнутая врасплох вопросом.

— Да, я...